

О показателях множественного числа в языке памятников монгольской средневековой литературы (на материале двух текстов «Повести о царевице Манибадре»)

On Plural Signifiers in the Language of Mongolian Medieval Literary Monuments (Evidence from Two Texts of “The Novel of Prince Manibhadra”)

С. В. Мурзаева (S. Mirzaeva)¹

¹ аспирант, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: kundgabo@list.ru

Postgraduate Student, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: kundgabo@list.ru

Аннотация. В статье описываются показатели категории множественности в классическом монгольском языке на материале двух монгольских текстов «Повести о царевице Манибадре» — одного из известных памятников буддийской переводной литературы. Первый текст, входящий в состав буддийского канонического сборника — Ганджура, вероятно, составлен до 20-х гг. XVII в., во втором, рукописном, тексте отсутствует колофон, что затрудняет определение времени его написания. В рассматриваемых текстах отмечено употребление практически всех формантов множественного числа (-s, -d, -ud /-üd, -nyud /-nügüd, -nar, -tan) за исключением двух аффиксов -γud и -n. Наиболее продуктивными в привлеченном материале являются аффиксы -s и -d. В каноническом тексте «Повести...» также отмечено частое использование аффикса -nyud /-nügüd, характерного больше для книжной словесности. Описаны случаи употребления составных показателей множественного числа, что, по мнению некоторых исследователей, говорит об ослаблении значения множественности в языке. Кроме того, в каноническом тексте «Повести о царевице Манибадре» выявлены случаи формального согласования определяемого и определителя, характерного для древних монгольских текстов.

Ключевые слова: монгольская средневековая литература, повесть, царевица Манибадра, формант, категория множественности.

Abstract. The article describes plural signifiers of Classical Mongolian with evidence from two Mongolian texts of “The Novel of Prince Manibhadra” — one of the most famous monuments of translated Buddhist literature. The first text which is part of the Tibetan Buddhist canon (Kangyur) was presumably created before the 1620s, the second one (manuscript) contains no colophon which complicates the task of identifying the time when it was written down. Almost all plural formants (-s, -d, -ud /-üd, -nyud /-nügüd, -nar, -tan), except for the affixes -γud and -n, are present in the texts under consideration. The affixes -s and -d proved most productive in the studied materials. The affix -nyud

/-nügüid characteristic of the lofty language is widely used in the canonic text of “The Novel...”. Some cases of use of compound plural signifiers were described which, as deemed by some researchers, testifies that the importance of grammatical number had decreased. Moreover, cases of formal noun-determiner agreement have been discovered in the canonic text of “The Novel...” which is characteristic of ancient Mongolian texts.

Keywords: Mongolian medieval literature, novel, prince Manibhadra, formant, plural.

Лингвистическое источниковедение, занимающееся описанием языка различных памятников, представляет собой одно из перспективных направлений современной монголистики. Результаты подобных исследований нашли отражение в таких трудах, как «Язык „Алтан тобчи“» М. Н. Орловской [Орловская 1984], «Бурятские исторические хроники и родословные» Ц. Б. Цыдендамбаева [Цыдендамбаев 1972], «Халха-джирум» Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2012], «Язык бурятских летописей» Л. Б. Бадмаевой [Бадмаева 2005] и т.д. Все эти работы, в которых выявленные в текстах данные сопоставляются с соответствующими фактами современных монгольских языков, преследуют цель установить линию преемственности и воссоздать историю монгольского языка.

В данной статье мы хотим описать случаи употребления показателей множественного числа в языке памятников монгольской средневековой литературы на материале двух текстов «Повести о царевиче Манибадре». Это сочинение, восходящее к индийской «Джатаке о царевиче Судхане», получило распространение в буддийской письменной традиции тибетцев и монголов. В составе буддийских сборников *джатак* и *авадан* повесть стала известна в Тибете и Монголии, а благодаря занимательному сюжету «перекочевала» и в устную традицию этих стран. Перечень монгольских и ойратских письменных и устных версий «Повести о царевиче Манибадре» дан нами в одной из предыдущих статей [Мирзаева 2014]. Для анализа мы привлекли два текста:

1) Первый текст – «Manibadra qaγan-u tuγijī» (‘Повесть о царевиче Манибадре’) входит в состав монгольского канонического свода Ганджура (раздел Виная), изданного ксилографическим способом

в 1712–1720 гг. [Дамдинсүрэн 1976: 384] и переизданного фототипическим способом в серии «Шата-питака» [MQT I]. Из сказанного следует, что он был переведен с тибетского языка до 20-х гг. XVIII в. Имя переводчика в тексте не указано.

2) Второй текст представлен рукописью на монгольском языке «*Manibadari qan köbegün tüүцji ogosiba*» ('Повесть о царевиче Манибадари') из Научной библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета [MQT II]. В ней насчитывается 20 листов, датировка текста представляется затруднительной, поскольку колофон отсутствует.

Категория множественного числа в монгольском языке рассматривается во всех грамматиках монгольского языка: А. А. Бобровникова [Бобровников 1849], Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1929], Г. Д. Санжеева [Санжеев 1953] и др. Во многих исследованиях эта категория описывается в рамках характерной для индоевропейского языкознания оппозиции «единственное число — множественное число», в которой первичной основой считается форма единственного числа. Однако А. А. Бобровников в своей «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» высказывает предположение о существовании некоего корня, «безразличного в отношении числа», от которого могли быть образованы формы как единственного, так и множественного числа: «например, сличая слова *нөкүр*, *нөкүд* и *нөкүчекү* 'дружиться', можно заключить, что корень был *нөкү*. Для слов *модун* ('дерево') и *модуд* ('деревья'), находим корень в древнем слове *мод* 'деревья', для слов *аран* 'человек' (неупотребительное) и *арад* 'люди' находим у бурят корень *ар* 'человек'» [Бобровников 1849: 87]. В. Л. Котвич считал, что основа имени в монгольских языках используется для обозначения множественности [Котвич 1902: 336]. Г. И. Рамstedт о показателе множественности писал так: «Еще с давних времен все алтайские языки пользовались для выражения логического понятия множественности формой единственного числа при условии, что на множественное лицо указывали числительные или какой-либо иной показатель множественности там, где применяется оформленное множественное число, оно может быть показателем качественных различий, подразделения на

группы, либо совокупности нескольких групп» [Рамстедт 1957: 57]. Ц. Б. Цыдендамбаев, рассматривая показатели множественности, выделяя их в несколько групп, указывал: «показатели *-s* и *-d* выражают ограниченное множество, показатели *-nar* и *-tan* — неопределенное множество, а показатели *-nyūd* и *-ud* — неограниченное множество» [Цыдендамбаев 1972: 337]. Интересной представляется точка зрения С. М. Трофимовой, подробно рассматривающей категорию множественности с позиции функциональной грамматики в монографии «Грамматические категории именных основ в монгольских языках» [Трофимова 2009]. Исследовательница считает, что в монгольских языках «основа имени индифферентна к категории числа и может выражать без изменения своей формы как единичность предметов, так и их парность (двойственность) и неопределенную множественность. <...> Неопределенная множественность выражается не только основой имени, но и морфологически — при помощи специальных аффиксов. Определенная множественность выражается сочетанием основы имени с соответствующим числительным» [Трофимова 2009: 76].

Итак, категория множественности в классическом монгольском языке представлена формантами *-s*, *-d*, *-ud* /-*üd*, *-yud*, *-nyūd* /-*nügüd*, *-n*, *-nar*, *-tan*. Наиболее часто в текстах «Повести о царевиче Манибадре» используется формант *-s*, считающийся одним из древнейших аффиксов множественного числа в монгольском языке [Орловская 1984: 55]. Он используется после основ, заканчивающихся на гласный или дифтонг, причем в последнем случае отбрасывается конечный *-i*. В текстах «Повести о царевиче Манибадре» встречаются следующие примеры: *aqā* ‘старший брат’ — *aqas*; *ayalyū* ‘мелодия, песня’ — *ayalyus*; *ayūla* ‘гора’ — *ayulas*; *belge* ‘знак’ — *belges*; *boγda* ‘святой’ — *boγdas*; *čīnadu* ‘враг’ — *čīnadus*; *dakini* ‘— *dakinis*; *eme* ‘женщина’ — *emes*; *erdeni* ‘драгоценность’ — *erdenis*; *ere* ‘мужчина’ — *eres*; *erike* ‘четки’ — *erikes*; *Gandari* ‘гандхарвы’ — *Gandaris*; *jūgei* ‘пчела’ — *jūges*; *Kinari* ‘киннари’ — *Kinaris*; *kūji* ‘благовоние’ — *kūjis*; *mese* ‘меч’ — *meses*; *nabči* ‘лист’ — *nabčis*; *qaraču* ‘простолоудин’ — *qaračus*; *tarni* ‘заклинание’ — *tarnis*; *üile* ‘поступок’ — *üiles*; *yagša* ‘якша’ — *yagšas*.

Также следует отметить, что в тексте «Manibadari qan köbegün tuuġi oġosiba» [MQT II] встречается нетипичный случай использования данного аффикса в слове *nöküs* — форме мн. ч. от *nökür* ‘друг’. Обычная форма множественного числа от слова *nökür* — *nöküd*, в которой конечный *-r* выпадает и вставляется аффикс *-d* множественного числа [Орловская 1984: 56]. Однако в данном случае вместо аффикса *-d* использован аффикс *-s*. Г. Д. Санжеев писал о том, что в письменном монгольском языке нет четкого разграничения между этими двумя аффиксами [Санжеев 1953: ...]. В рассматриваемых текстах аффикс *-s* присоединяется не только к существительным, но и к производным от существительных прилагательным: *qoortu* ‘причиняющий вред’ — *qoortus*; к причастиям будущего времени: *bükü* ‘тот, кто будет’ — *büküs*; к наречиям: *ende* ‘здесь’ — *endes*; к частице *deki*, обозначающей местоположение: *bel-deki* — *bel-dekis*.

Следующим по частоте употребления является формант *-d*. Он употребляется после основ, заканчивающихся на *-n*, который в форме множественного числа выпадает: *aran* ‘человек’ (неупотребит.) — *arad*; *irgen* ‘житель’ — *irged*; *mergen* ‘мудрец’ — *merged*; *modun* ‘дерево’ — *modud*; *müren* ‘река’ — *müred*; *noyan* ‘нойон, князь’ — *noyad*; *odon* ‘звезда’ — *odod*; *oron* ‘место’ — *orod*; *ökin* ‘девушка, дочь’ — *ökid*; *qan* ‘хан’ — *qad*; *qatun* ‘жена’ — *qatud*; *sibaġun* ‘птица’ — *sibaġud*. Кроме того, этот аффикс присоединяется к основам, заканчивающимся на *-sun* и *-l*, *-r*, причем в форме множественного числа эти окончания также выпадают: *görügesün* ‘животное’ — *görüged*; *qubčasun* ‘одежда’ — *qubčad*; *balyasun* ‘город’ — *balyad*; *nökür* ‘друг’ — *nöküd*; *tüsimel* ‘министр’ — *tüsimed*. В рассматриваемых текстах отмечен один случай присоединения аффикса *-d* к основе, заканчивающейся на гласный: *busu* ‘другой’ — *busud*. Причастная форма прошедшего времени *-ġsan* /*-gsen* также может иметь форму множественного числа с аффиксом *-d*, в которой выпадает конечный *-n*: *aġsan* ‘бывший’ — *aġsad*; *quraġsan* ‘собравшийся’ — *quraġsad*.

Формант *-ud/üid* присоединяется к основам, заканчивающимся на согласные, кроме *-n*: *čečegleg* ‘сад’ — *čečegleg-üid*; *čečeg* ‘цветок’ — *čečeg-üid*; *čerig* ‘войско’ — *čerig-üid*; *čimeg* ‘украшение’ —

čimeg-üid; *erdem* ‘достоинство’ — *erdem-üid*; *luus* ‘наг¹’ — *luus-ud*; *naγur* ‘озеро’ — *naγur-ud*; *üsüg* ‘буква’ — *üsüg-üid*.

В каноническом тексте «Повесть о царевиче Манибадре» очень часто используется формант множественного числа *-nuγud* /*-nügüd*, называемый Ц. Б. Цыдендамбаевым «сугубо книжным, чуждым живому языку показателем множественности» [Цыдендамбаев 1972: 330], тогда как в рукописном варианте «Повести...» встречается лишь один случай употребления этого форманта: *kkir* ‘грязь, скверна’ — *kkir-nuγud* [MQT II: f. 14b]. Приведем примеры из канонического текста «Повести...»: *arслан* ‘лев’ — *arслан-nuγud*; *biraman* ‘брахман’ — *biraman-nuγud*; *buyan* ‘добродетель’ — *buyan-nuγud*; *daγun* ‘звук’ — *daγun-nuγud*; *görögesün* ‘животное’ — *görögesün-nügüd*; *kümün* ‘человек’ — *kümün-nügüd*; *küriy-e* ‘храм’ — *küriy-e-nügüd*; *lingqu-a* ‘лотос’ — *lingqu-a-nuγud*; *mangγus* ‘мангус’ — *mangγus-nuγud*; *müren* ‘река’ — *müren-nügüd*; *öglige* ‘подношение’ — *öglige-nügüd*; *qatuy-tai* ‘женщина’ — *qatuy-tai-nuγud*; *terge* ‘телега’ — *terge-nügüd*; *γadasun* ‘гвоздь, кол’ — *γadasun-nuγud*.

В рассматриваемых текстах встречаются показатели множественности *-nar* и *-tan*, обладающие лексическим значением собирательности или множества лиц: *bhuta* ‘злой дух, бхута’ — *bhutanar*; *bodhi satuva* ‘бодхисаттва’ — *bodhi satuva-nar*; *boyda* ‘святой’ — *boyda-nar*; *tarniči* ‘заклинатель’ — *tarničinar*; *tengri* ‘небожитель’ — *tengrinar*. Формант *-tan* образует имена с собирательным значением: *iγaγur* ‘род, происхождение’ — *iγaγur-tan* ‘происходящие из’; *qoor* ‘вред’ — *qoor-tan* ‘наносящие вред’; *toγ-a* ‘число’ — *olan iγaγun toγatan* ‘состоящие из многих сотен’.

Из приведенных выше примеров видно, что многие показатели множественного числа взаимозаменяемы: *nöküs* — *nöküd*; *boydas* — *boydanar*; *görüged* — *görügesün-nügüd*, *müred* — *müren-nügüd*. Также стоит отметить, что в текстах «Повести о царевиче Манибадре» встречаются случаи употребления двойных суффиксов множественности: *činadus-ud* ‘враги’; *jüges-nügüd* ‘пчелы’; *yağšas-nuγud* ‘якши’,

¹ Наги — персонажи мифологии индуизма и буддизма. Изображаются в виде змей с человеческим торсом и человеческой головой, укрытой сверху веером змеиных голов. Обитают в пещерах и водоемах.

tarničinar-ud ‘заклинатели’. Ц. Б. Цыдендамбаев писал об этом явлении: «Ослабление значения множественности имен и в связи с этим необходимость усиления его путем удвоения показателей, обусловили появление составных показателей множественности» [Цыдендамбаев 1972: 337]. Малочисленные примеры не позволяют нам подтвердить или опровергнуть это предположение.

В каноническом тексте «Повести...» обнаруживаются примеры одного явления, характерного для многих древних монгольских текстов, — формального согласования определяемого с определителем [Орловская 1999: 32; Санжеев 1953: 137]. Такое согласование не сохранилось в современном монгольском языке, уступив место «логическому» согласованию, в котором при наличии числового определителя определяемое не нуждается в показателе множественного числа. Приведем следующие образцы из текста: *γurban orod* ‘три местности’; *arban naiman belges* ‘восемнадцать признаков’; *olan erikes* ‘много четок’; *olan müred* ‘много рек’. В рукописном варианте «Повести...», который, по всей вероятности, был составлен позже канонического варианта, примеры подобного согласования отсутствуют.

Итак, в текстах «Повести о царевице Манибадре» встречаются практически все форманты множественного числа старописьменного монгольского языка, за исключением аффиксов *-γud* и *-n*. Наиболее продуктивными являются аффиксы *-s* и *-d*, являющиеся в некоторых случаях взаимозаменяемыми (*nöküs* — *nöküid*). В рассмотренном материале эти аффиксы присоединяются не только к существительным, но и к прилагательным, причастиям будущего и прошедшего времени, наречиям. Формант *-ud* /*-üid* менее продуктивен: нами установлено лишь восемь случаев его употребления в текстах. Также встречаются в текстах показатели множественного числа со значением собирательности *-nar*, *-tan*. В каноническом тексте «Повести...» отмечено частое использование аффикса *-nuγud* /*-nüγüid*, более характерного для письменного монгольского языка. Рассмотрены случаи использования двойных показателей множественного числа, использование которых, по мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, говорит об ослаблении значения множественности в языке. Кроме

того, в каноническом тексте «Повести...», составленном, вероятно, раньше рукописного варианта, сохранились примеры формального согласования определяемого и определителя, присутствующего в древних монгольских текстах.

Источники

MQT I — Manibadra qaγan-u tuγujī ('Повесть о царевиче Манибадре'). Nomuγadqaqu-yin sitügen. Šata-piṭaka series. Indo-Asian literatures, vol. 194-195, pp. 582 (vol. 194) – 26 (vol. 195). New Delhi, 1979.

MQT II — Manibadari qan köbegün tuγujī orosiba ('Повесть о царевиче Манибадари'). Рук. на монг. языке, хран. в рукописном фонде научной библиотеки Вост. фак-та СПбГУ под шифром Mong E44, инв. №693, лл. 1-20а.

Литература

Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 216 с.

Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университетская типография, 1849. 400 с.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд-ие Ленинград. Вост. Ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929. 436 с.

Котвич В. Л. Лекции по грамматике монгольского языка, читанные прив. доц. СПб. ун-та В. Л. Котвичем. СПб.: Изд-ие студ. Э. Мауринг и Э. Беренс (литография), 1902.

Мирзаева С. В. О круге монгольских и ойратских версий «Повести о царевиче Манибадре» // Монголоведение №7. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 89–97.

Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М.: ГРВЛ. Наука, 1984. 236 с.

Орловская М. Н. Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2000. 182 с.

Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халха джигурм». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.–Калуга: Изд-во «Эйдос», 2012. 270 с.

Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание: морфология. Пер. с нем. Л. С. Слоним; под ред. и с предисл. Н. А. Баскакова; примеч. Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 253 с.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.

Трофимова С. М. Грамматические категории именных основ в монгольских языках (семантико-функциональный аспект). Элиста: Изд-во КГУ, 2009. 282 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. 662 с.

Дамдинсүрэн Ц. Тэнгэрийн дагинын үлгэр // Монголын уран зохиолын тойм. Хоёрдугаар дэвтэр (XVII–XVIII зууны үе) / Ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. 411–484 х.